

Александр Иванович Куприн

Вечерний гость

Александр Куприн

Вечерний гость

«Public Domain»

1904

Куприн А. И.

Вечерний гость / А. И. Куприн — «Public Domain», 1904

«Лампа бросает на письменный стол, за которым я сижу, ровный и яркий круг света. Все, что вне этого круга, – темно, пусто и безжизненно, все чуждо мне и забыто мною. Весь мир сосредоточился в маленьком, светлом, круглом пространстве, где мне знакомо каждое чернильное пятно, каждая царапина, каждая шероховатость. Больше мне ничего не нужно. Лист бумаги ослепительно бел, и края его резко и прямо рисуются на зеленом сукне. Секунды вечера бегут с кроткой, неторопливой однообразностью, в светлом круге все так просто, ярко, уютно, близко, привычно и мечтательно. Больше мне ничего, ничего не нужно!..»

© Куприн А. И., 1904

© Public Domain, 1904

Александр Иванович Куприн

Вечерний гость

Лампа бросает на письменный стол, за которым я сижу, ровный и яркий круг света. Все, что вне этого круга, – темно, пусто и безжизненно, все чуждо мне и забыто мною. Весь мир сосредоточился в маленьком, светлом, круглом пространстве, где мне знакомо каждое чернильное пятно, каждая царапина, каждая шероховатость. Больше мне ничего не нужно. Лист бумаги ослепительно бел, и края его резко и прямо рисуются на зеленом сукне. Секунды вечера бегут с кроткой, неторопливой однообразностью, в светлом круге все так просто, ярко, уютно, близко, привычно и мечтательно. Больше мне ничего, ничего не нужно!

И вот кто-то стучится в двери. Раз-два-три... Быстро и настойчиво спешат один за другим три глухих, тревожных удара. Дремотное очарование светлого круга исчезает мгновенно и бесследно, как картина с экрана волшебного фонаря. Я снова в комнате, в доме, в городе... Жизнь ворвалась ко мне, подобно тому как вторгается уличный шум в распахнутое окно.

Кто стоит там, за дверями? Вот он сейчас войдет сюда, и я увижу его лицо, услышу звук его голоса, возьму его руку. Я прикоснусь к нему зрением и слухом, телом и мыслью. О, как это просто и вместе с тем как таинственно, непонятно, почти ужасно!..

Ведь нет ни одного ничтожного явления, которое не оставило бы во мне неизгладимого следа. Тихая ночная возня мыши под полом и смертная казнь, рождение ребенка и шуршание осеннего листа, ураган на море и тиканье карманных часов, ласка любимой женщины и объявление о вакцине, – все, все, – и малое и большое, сознанное мною и несознанное, – все притрагивается к моему мозгу, все чертит на нем непонятные знаки. Каждая прожитая мною минута кладет вечную, но неизвестную мне печать на мой характер, на мою любовь или отвращение к жизни, на ум, на здоровье, на память и воображение, на всю мою грядущую жизнь, а может быть, даже на жизнь моих детей и внуков. Но я не знаю ни очереди событий, ни времени их прихода, ни их стихийной силы, ни их темного значения...

Я не знаю, что будет со мною завтра... Только плоские, самодовольные, тупые фарисеи и утонченные духом, избранные, ясновидящие люди знают это или обманывают себя и других, что знают. Я же не знаю, что будет со мною через час, через минуту; я живу как лотерейный игрок, для которого судьба вращает колесо с сюрпризами.

Почему так волнует людей азартная карточная игра? Потому что, ставя деньги на девятку бубен, мы не знаем заранее, куда она ляжет; направо – мы проигрываем, налево – выигрываем. Потому что перед нашими глазами будущее мгновенно делается прошедшим, а надежды и расчеты превращаются в разочарование и радость; потому что карточная игра есть та же жизнь, но жизнь сокращенная, усиленная и напряженная, подобно жизни под колпаком с кислородом; потому что в карточной игре мы чувствуем душою, как мимо нас проходит грозное божество, располагающее случаями и возможностями.

Но явления простой, обыденной жизни не потрясают нас, и мы живем в них равнодушно и слепо. А между тем ежедневно, ежечасно, – обедаем ли мы, идем ли на любовное свиданье, подписываем ли деловую бумагу, сидим ли в театре, играем ли в карты, вводим ли в свой дом нового друга, покупаем или продаем, спим или бодрствуем, – мы, в сущности, только то и делаем, что вынимаем и вынимаем билеты из огромной урны, которую нам на каждом шагу предлагает жизнь. У карт в конце концов только два билета, один с выигрышем, другой с проигрышем, а у жизни их миллионы, помноженные на миллионы, и из них ни одного – пустого. В карточной игре вы расплачиваетесь по окончании талии и наличными деньгами, а жизнь знает бесконечное количество способов и сроков расплаты. Она расплачивается – то скупно, как ростовщик, то сторицей, как получивший наследство кутила, то явно, как благодетели из

детских прописей, то тайно, как евангельская вдовица, иногда с быстротой и неожиданностью револьверного выстрела, иногда с медленностью упорной, неизлечимой болезни...

Это необъяснимо, таинственно и, благодаря своей простоте, прямо ужасно. Представьте себе, что какой-нибудь тиран, настоящий земной тиран, гениальный безумец, которому прискучили и стали пресными обычные формы наслаждения неограниченной властью, вздумал бы ввести в своем государстве ежегодную лотерею жизни. В известный день и в известный час воины сгоняют палками народ на большую площадь, посреди которой стоит ваза, доверху наполненная билетами, определяющими точно и подробно жизнь каждого подданного на целый год. В этих билетах предусмотрено все, что может изобрести человеческое воображение: богатство, слава, власть, позор, тюрьма, любовь, самоубийство, ордена, изгнание, война, труд, почести, пытка, смертная казнь... Попробуйте представить и самого себя ждущим своей очереди в толпе несчастных подданных этого утонченного тирана. О, как побледнеет ваше лицо, как задрожат и ослабнут ваши ноги, когда подведут вас к роковой урне, как мучительно забьется ваше сердце от двух противоположных и равно могучих желаний – ускорить и отдалить момент выбора!..

А мы вытягиваем такие билеты ежедневно, но только по слепоте, по суеверию, по трусости и по привычке – не замечаем и не хотим замечать этого, не размышляем над этим и не верим в это. Один говорит: «Я устрою свою жизнь так-то»; другой говорит: «Я знаю, что и через год, и через два, и через десять я так же буду сидеть в этом самом кресле и подписывать эти самые исходящие бумаги»; третий уверен больше, чем в своем существовании, в том, что он до самой смерти не выйдет из стен своей богадельни... И если уверенность не обманет их, то эти самодовольные люди говорят сами себе, своим детям и своим знакомым: «Вот я захотел получить почести и получил. Настойчивость и труд могут всего достигнуть. Каждый человек своему счастью кузнец». Но слова их так же наивны и глупы, как слова того человека, который, желая доказать самому себе свою независимость от судьбы, скажет: «А вот я сейчас ударю пальцем об стол», и действительно ударит. И первые судят еще глупее, чем второй, потому что их глупость сложнее и путаннее.

Ибо, во-первых: окостенение человека в какой-нибудь определенной, окончательной форме уже не есть жизнь, а первый симптом смерти, так как жизнь заключается в непрерывности движения. Во-вторых, если бы ему, теперешнему ему, показать его тогдашнюю душу, вывернув ее хорошенько наизнанку, он удивился бы и не поверил, что это его душа, а если бы и поверил, то отказался бы понять, каким образом, благодаря каким влияниям и столкновениям она могла так поразительно измениться. А в-третьих, этот человек, чувший не душу, а облекающую ее оболочку, никогда не поймет того, что самые важные явления жизни, то есть рождение, любовь и смерть очевидно до смешного, очевидно до ужаса подвержены колебаниям случая.

Кто из нас знает смысл и причину нашего появления на свет? Меньше всего об этом знают наши родители. В зачатии и рождении ребенка, в образовании его души и тела, а стало быть, и в складе всей его последующей жизни одинаково важную роль играют: и съеденный днем обед, и прочитанная накануне книжка, и запах цветов в палисаднике, и случайный мотив, засевший в голове, и еще тысячи тысяч причин, и из них, может быть, самая пустая и ничтожная, которую человек и сам не заметил и о которой никогда не вспомнит, – была самой важной и могучей причиной.

То же и любовь. Кто скажет нам, где, когда и как подпадем мы ее страшной власти, иногда прекрасной, иногда разрушительной, иногда пошлой? Мы не знаем заранее ни своих жен, ни своих любовниц. Приятель вводит меня в кружок своих близких знакомых, у тех я знакомлюсь с другими, через них попадаю к третьим, а у четвертых встречаю чужую, новую, неизвестную мне до сих пор женщину. И когда меня ей представляют, я сам не знаю, что в эту минуту я вытащил из урны судьбы свой билет, на котором написано: вот именно с этой чужой тебе

женщиной ты будешь многие годы есть за одним столом, спать рядом, рожать детей, и люди будут звать вас женою и мужем. И сколько тысяч раз два человека, которые всею душой, всеми мыслями многие годы жаждут найти друг друга, встречаются на улице, даже слегка касаются друг друга локтем и расходятся, чтобы никогда больше не увидеться!

А дети? Думал ли я о них раньше? Могу ли я себе представить хоть приблизительно, что передам я им из своего тела, из своего ума и души, передам не только своего, но и принадлежавшего моему отцу, деду и прадеду? Могу ли я предвидеть все мелочные для меня, но роковые для ребенка случаи, которые оставят неизгладимые черты в его душе?

И все это кончается смертью, самой верной и самой случайной гостьей, к которой мы незаметно подготовляем себя всем: одеждой, питьем, пищей, квартирами, настроением духа, любовью и ненавистью.

Нет, я ничего, ничего не понимаю в этой жизни. Я с покорным, тупым страхом вытягиваю свой билет и сам не могу прочесть его непонятной надписи.

И никогда мне это не бывало так ясно, как в этот вечерний час, когда в моих дверях послышался тревожный стук. Вот, подумал я, пришла и стоит там судьба со своим волшебным колесом. Иди и вынимай твой жребий. Кто скажет мне, что принес с собою этот стоящий за дверями человек: радость или скорбь, любовь или ненависть? Будет ли его приход началом перелома в моей жизни, или он скользнет по ней, оставив едва заметный след, о котором я сейчас же забуду и не вспомню никогда до самой смерти и даже после нее? И мне приходит в голову суеверная мысль, что если бы я теперь громко спросил: «Кто там?», то равнодушный, беззвучный голос ответил бы мне: «Судьба».

Я громко говорю: «Войдите!» Между его стуком и моим восклицанием не прошло и секунды, но мысли, которые пронеслись за этот короткий промежуток в моей голове, приподняли уголок завесы над какой-то черной бездной и уже состарили меня. И я чувствую, что короткий, нервный стук этого человека уже связал меня с ним незримыми путами.

Я слышу, как он отворяет дверь. Сейчас я увижу его лицо, услышу его голос... Сейчас между нами произойдет самая обыденная и самая непонятная вещь. Мы начнем разговаривать. Он с помощью звуков разной высоты и силы будет выражать в условной форме свои мысли, а я буду воспринимать эти звуковые колебания и разгадывать их условное значение, и его мысли станут моими мыслями.

О! как непонятны для нас, как таинственны, как странны самые простые жизненные явления. А мы, не постигая их, не умея в них разобраться, громоздим их одно на другое, переплетаем, связываем, уширяем, мы устраиваем знакомства и браки, пишем книги, говорим проповеди, учреждаем министерства, ведем войну и торговлю, делаем новые изобретения и потом создаем историю! И каждый раз, когда я думаю об огромности, сложности, непонятности и стихийной случайности этого общего сплетения жизней, то моя собственная жизнь представляется мне ничтожной пылинкой, затерявшейся в вихре урагана...